100-летию Малышевой Александры Алексеевны, моей матери, посвящается.

Нередко приходится видеть неуважение к пожилым и немощным людям в общественном транспорте, магазинах, больницах, поликлиниках и других местах не только со стороны молодёжи, но и более старших людей. За что это? За то, что они ещё живы?

Позади 70-летний юбилей Победы советского народа в Великой Отечественной войне, однако до сих пор ещё не все ветераны получили обещанные квартиры, а тружеников тыла так и не приравняли к ветеранам войны, и живут они по-прежнему на нищенскую пенсию.

За плечами моей матери пролегла целая эпоха – XX век со всеми его катаклизмами.

Ей, вдове инвалида войны, труженице тыла, 26 февраля 2026 года исполнилось бы 100 лет. Последний свой юбилей – 90-летие – она поджидала с какой-то тревогой: её пугал не только возраст и годы, до которых смогла дожить, а предчувствие, что скоро, совсем скоро, оборвётся та ниточка, за которую держалась и продолжает держаться последние три года после инсульта.

А всё-таки хочется повидать, может, в последний раз, детей, внуков и правнуков. В эту ночь она не могла даже сомкнуть глаз. Подумать только: завтра, нет, уже сегодня, ей стукнет девять десятков, как появилась на свет божий.

«Надену сегодня самое нарядное с белым кружевным воротничком бордовое платье, раздам всем поминальные подарки и прочитаю своё завещание:

«Милые дети, моя последняя просьба к вам: ничего мне от вас не надо, лишь после моей смерти помяните меня. В девятый день закажите панихиду в церкви, а также в двадцатый и сороковой дни. Это для меня будет самое необходимое и ценное, и до сорока дней подавайте ежедневно милостыню – хоть собаке кусок, лишь бы от чистого сердца. Пусть будет у Христа на престоле за моих родителей. Больше нам с папой от вас ничего не надо. Вы здесь молитесь, а мы за вас там будем молиться.

Простите меня грешную, родные мои, знаю и понимаю, что я уже всем надоела, но поскольку мне бог веку дал, я не виновата.

Не поминайте лихом. Если вспомните, что когда-нибудь обижали мать – я всем прощаю. Простите и вы меня. Живите в дружбе, любви и согласии.

Да благословит вас Бог!».

Слёзы горечи обильно выкатились из глаз, и она не предпринимала никаких усилий, чтобы их остановить.

В какой-то момент вдруг наступило облегчение, словно волной скатилась горечь, и поток мыслей вихрем понёс её в далёкое прошлое. Как на экране, стала вырисовываться картина прожитых лет: она увидела себя в родной деревне Высоково, родительский дом с яблоневым садом. И начала свой рассказ…

«Детство и учёба, к великому сожалению, закончились после начальной школы, хотя училась я прилежно, даже Похвальную грамоту имела, но надо было помогать родителям по хозяйству и водиться с младшими сестрёнками и братиком.

Время было тяжёлое: Первая мировая война, Октябрьская революция и Гражданская война привели к разрухе, голоду, миллионам беспризорных детей и подростков. В 1922–23 годах Поволжье, где жили мои родители, было охвачено небывалым голодом, в городах люди поедали собак, грызунов и кошек и умирали от голода. В стране была введена продразвёрстка, согласно которой у крестьян изымали хлеб до последнего зёрнышка, что вызывало их недовольство, переросшее в открытые выступления. До нас доходили слухи о крестьянских восстаниях в Поволжье и Тамбовской губернии, которые закончились жестокой расправой, но об этом нельзя было говорить.

Началось раскулачивание «зажиточных» крестьян, так называемых «кулаков», в том числе и тех, кто жил не так уж «справно».

Не обошли и моих родителей. Отца в принудительном порядке отправили на лесоповал, где было установлено «твёрдое» задание с ежедневной выработкой 5 кубометров дров на человека. Нужно: дерево спилить вручную с корня, обрубить сучки, распилить на чурбаны, расколоть и уложить в поленницу. За невыполнение нормы ссылали туда, где «Макар телят не пас».

Для одного работника эта норма была не под силу, поэтому тятенька взял меня, 13-летнюю девчонку, с собой, так как на подростков норма не распространялась.

Жили мы в лесу в бараках-коммуналках по 20 человек в одном помещении, пропитанном гарью с табачным дымом и зловонием от портков и портянок, висевших над нарами.

Целых два нескончаемо длинных года длилась эта непосильная, изнурительно-каторжная жизнь, о которой вспоминать страшно. Я ведь была одна девчонка среди мужиков, которые присматривались ко мне, как щука к живой наживке. Видя это, мой тятенька не оставлял меня одну ни на миг.

Вся жизнь моя и моих сверстников проходила по каким–то этапам, которые можно назвать борьбой за выживание.

После лесоповала мы с отцом вернулись домой и застали в деревне коллективизацию сельского хозяйства. У всех насильно отбирали лошадей и коров и весь сельскохозяйственный инвентарь и в принудительном порядке «загоняли» в колхоз.

К власти пришли на местах бездари, лодыри да голодранцы, не имевшие до этого ни кола ни двора.

Работали в колхозе без выходных дней от зари до зари, а дневной труд оценивался ничего не стоящим «трудоднём». Расчёт с колхозником проводился после уборочных работ. Собранный урожай зерна распределялся так: в первую очередь колхоз рассчитывался с государством, а что оставалось, то делили на заработанные колхозником трудодни. В иные годы на трудодень приходилось всего лишь по 200–300 граммов зерна. Как можно было жить? В каждой семье ведь были дети. Уйти из колхоза крестьянин не имел права.

Самым большим для нас испытанием стала Великая Отечественная война, казавшаяся бесконечной. В то время у меня была уже своя семья. Мужа забрали на третий день войны. Сейчас я даже не могу представить, как только мы и наши дети смогли выжить? Оставшись с тремя детьми в возрасте от четырёх месяцев до пяти лет, я возглавляла полеводческую бригаду, в которой женщины, старики да под-

ростки работали от зари до зари под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы». Мы прекрасно понимали, что нужно кормить армию, там наши мужья и братья, поэтому почти весь урожай уходил на фронт, а самих выручали лебеда да картошка. Всякий раз с работы домой я летела как на крыльях, груди распирало от молока, вначале нужно накормить младшенького, и чем-то старшеньких, которые, плача, причитали: «Мама, мы есть хотим!»

Изо дня в день, из месяца в месяц до скончания войны всё это повторялось снова и снова. Моё сердце разрывалось на части, а в ушах, не смолкая, слышался детский плач.

И вот пришла долгожданная Победа! Вся деревня ликовала и плакала, большинство из наших женщин остались вдовами, а мой муж вернулся на костылях с тяжёлым ранением, но зато живой. Сколько было радости! Не пересказать…

После войны наступила мирная жизнь, казалось бы, можно передохнуть, но голод в Костромской области заставил нас переехать на Урал в деревню Пятково, где обосновались ещё до войны мои родители.

Вступили мы в колхоз, не чурались никакой работы. Два года жили на квартире у одной старушки, затем переехали в свой домишко. Работали за тот же трудодень. Чтобы его заработать, женщине полагалось сжать серпом пять соток ржи или пшеницы. Сжатые снопы нужно было перевязать жгутами, свитыми из стеблей и составить в суслоны. От стерни руки были изрезаны словно бритвой, а спина от постоянной работы в наклон разгибалась с великим трудом.

Дома ждала своя работа: управиться с домашним хозяйством, напоить и накормить скотину, постирать и починить ребятишкам одёжки, приготовить еду, а в сутках были те же 24 часа, так что на сон оставались каких-то три-четыре часа.

Тяжёлым бременем для всех колхозников был сельскохозяйственный налог, взимавшийся с каждой семьи, где была живность. С коровы – молоком, со свиньи – мясом и шкурой, с овцы – мясом и шерстью, с кур – яйцами.

На корову земельный надел для покоса не полагался. Чем было её кормить?

Даже на опушках леса запрещалось косить траву. Мы с твоими старшенькими братьями, крадучись, по ночам всё же косили, боясь, чтоб никто не увидел, приносили вязанками траву и сушили на сеновале.

Кроме того, над нами непосильным ярмом висел «Государственный заем народного хозяйства». Все без исключения были обязаны на него подписаться, то есть дать государству указанную сумму денег взаймы, без последующей отдачи. Никаких исключений ни для кого не было, даже для инвалидов войны.

Откуда взять деньги – это никого не интересовало, хотя знали при этом, что колхозник, кроме трудодней, никаких денег не получал. Семья едва сводила концы с концами».

Рассказывая о своей жизни, мама не могла удержаться от слёз.

В 1956 году наша семья переехала в Кишерть, где была средняя школа.

Здесь более сорока лет мама отработала на различных физически тяжёлых и малооплачиваемых работах: техничкой в школе, санитаркой в больнице, няней в детских яслях и дворником, причём добросовестно, с полной отдачей сил. Не случайно бывшие сослуживцы, а также школьники и «ясельники» вспоминают её добрым словом.

Похоронив в 1977 году своего мужа, постоянно загруженная работой и заботами

о внуках (а они любили гостить у неё каждое лето), она не задумывалась над тем, что ждёт впереди, какова будет её старость. А та подошла, даже не подошла, а подкралась как-то незаметно.

– Было в моей жизни три самых счастливых дня, – оживившись, произнесла мама, её лицо засветилось, в глазах появилась теплота, и вся она засияла в улыбке. – Первый – когда я познакомилась со своим мужем; второй – когда мы поженились, и третий – его возвращение с фронта. И эти даты мы отмечали с ним регулярно.

Уже светало, в окне трепетно замаячил озябший луч восходящего солнца. Мама вдруг вспомнила про свой юбилей. «Не буду омрачать праздник, не к месту станет моё завещание, погляжу на всех, полюбуюсь, попоём песни, пообщаемся».

И праздник удался. Мама была одета в бордовое с белым кружевным воротничком платье, тёмные, без проседи, волосы и гладкое, раскрасневшееся от возбуждения лицо делали её моложавой. В этот вечер она пела песни, читала наизусть стихи и басни, рассказывала о прожитых годах.

Я всё больше и больше поражался её феноменальной памяти – она знала свою родословную аж с 1815 года (со слов её бабушки Анны Николаевны, 1861 года рождения). Мама давала напутствие внукам и правнукам, чтобы они знали свою родословную хотя бы до третьего поколения.

Спустя четыре месяца мамы не стало, но с этого праздника у нас остался на память видеофильм.